

НУЖНА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ В АДУ?

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 6-й СТР.

В Аду решили черти строить рай для собственных грядущих поколений. Ирония обращена здесь на утопический-реформаторскую самонадеянность людей, на саму идею «переделки» мира. Чем оборачивается революция в Аду? Нарушается рассчитанный на вечность баланс добра и зла. Прогрессивный Вельзевул своей деятельностью искажает мироздание, и в результате рушится тот Рай, что существовал изначально, нарушается мерная жизнь Бога и Ангелов:

Давно уже в Раю не рай, а ад. —

Но рай чертей в Аду уже построен!

Довольно сложный в смыслевом отношении «антиутопический» сюжет. Его можно трактовать по-разному, применяя как к «внутренней» социальной политике, так и к политике внешней, к ситуации во всем мире. Несостоятельными оказались обещания сделать жизнь «раем» для бедных, отняв все блага у богатых, у «ангелов». Несостоятельными оказались и рассуждения о противо-

стоянии двух всемирных систем, одна из которых — прогрессирующий и расцветающий Рай, другая — загнивающий и деградирующий Ад. На наших глазах эта идеологическая мифология рушится: вдруг выясняется, что социализм существует в Швеции, а не, скажем, во Вьетнаме, как мы привыкли думать. Черно-белый чертеж мира оказался неточным. Где сегодня Ад, где Рай, как разобраться?

А незадолго до смерти Высоцкий беспощадно прошелся по «райской» теме в трагической балладе «Райские яблоки». Там обитель вечного блаженства предстает просто лагерем, у ворот которого «огромный этап — тысяч пять — на коленах сидел». Вот куда вела народ многолетние обещания «светлого будущего»!

Максималистская позиция Высоцкого — ничего не обещать ни от своего имени, ни от имени народа и страны. Просто работать, видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле. И показывать людям, какова их жизнь, показывать стране ее реальное место в мире и истории. Делать это все не только без надежды на благодарность, но и с постоянным риском обвинения в «очернительстве», в цинизме:

*Пусть не враз, пусть сперва
не подмут ни черта...*

Но тут еще одна важная оговорка необходима. Мир Высоцкого философичен, но чего здесь нет — так это вялого философствования, нетворческого

варьирования прописных истин и заезженных сентенций. Это особенно важно учитывать сегодня, когда философствовать стало разрешено и даже о Христе можно сочинять романы без опасности быть обвиненным в «пилатчине». Многозначительные и неоригинальные, псевдофилософские мотивы в современной литературе и в сегодняшнем искусстве имеют немалое место. У Высоцкого же философичность была не «растворителем» социальности, а ее кристаллизатором.

Вообще говоря, нашей передовой мысли всегда вредила некоторая замкнутость во времени («слабоумное изумление перед своим веком», которое Пушкин ставил в вину Радищеву) и в пространстве (наши, российские, процессы мы слабо умеем сравнивать с общемировыми). Нам чрезвычайно трудно сопоставить 1917 год с 1789-м, а революционеров-утопистов нашего века — с их предшественниками. И жизнь своей страны мы видим довольно изолированно, легко бросаясь из крайности в крайность, в силу какой-то странной амбиции мы хотим считать либо лучше, либо хуже всех. Высоцкий неустанно высмеивал имперские комплексы («Левую — нам, правую — им. А остальное — китайцам», «Шах расписался в полном неумении. Вот тут его возьми и замени!»), но мыслил он масштабами мировыми. Прочтем внимательно «Странную сказку». Начинается она с привычного для Высоцкого пародирования штампов нашей пропаганды:

*В Тридевятом государстве
(Трижды девять — двадцать семь)
Все держалось на коварстве —
Без проблем и без систем.*

Что и говорить, любят у нас изображать «их» жизнь и нравы как сплошное коварство. Причем тянется такая идеологическая традиция с давних времен: еще в «Грозе» Островского «патристически» настроенная Феклуша уверяла: «У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный: что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив». И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные... Но главное все же не в этом. Главное в том, что, помимо Тридевятого, существуют еще и Тридесятые, и Триодиннадцатые. Эти неологизмы Высоцкого потому звучат так неожиданно, что мы привыкли мыслить рамками только Тридевятого, только одной страны, одной социальной системы.

А Высоцкий дальше развивает свою антиутопическую притчу: складывается такая ситуация, когда во всех трех царствах устанавливаются реакционные режимы. Невольно напрашивается сравнение с оруэлловским «1984», где весь мир разделен на три сверхдержавы: Океанию, Евразию и Истасикс. Но, в отличие от Оруэлла, у Высоцкого его «царства» не соотнесены с реальными сверхдержавами и военными блоками. Высоцкий берет ситуацию в принципе, философски. Рождается мысль о, так сказать, социально-политической эколо-

гии планеты. Если в каждой из частей мира воцарятся застой и реакция, это грозит мировой катастрофой:

*В Тридцать третьем царь сказался!
Не хватает, мол, земли, —
На соседей покусился —
И взбесились короли.
«Обуздать его, смять!» —*

*только глядь —
Нечем в Двадцать седьмом воевать,
Все утоплены в колоде,
И вассалы восстать коровят.*

Однобокому «державному» мышлению здесь противопоставляется мышление планетарное, всемирно-гуманистическое. Борьба «систем» ни к чему хорошему привести не может, победителей в ней не будет. Давно ли такие мысли перестали быть крамольными? В данном случае дата написания — «1970» — звучит впечатляюще.

Высоцкий мыслит космично — и притом делает это не расплывчато, не абстрактно, а очень наглядно. Глобальные категории всегда претворены в живых сюжетах, в столкновении характеров. Образ мира у Высоцкого сочетается универсальность с конкретностью. Сюда каждый может зайти запросто и постепенно обжиться. Для каждого найдется свой уголок, биографически близкий сюжету, созвучная настроению сентенция или шутка, «своя» песня. Это мир щедрый, его хватит на всех.

Вл. НОВИКОВ

лит. газ. - 1990 - 25 июля (ч. 30) - с. 8

19.